

Речевой портрет купца, представленный в данной статье с помощью материалов деловой и семейно-бытовой переписки, составляют представители разных поколений знаменитой купеческой семьи, родственники, друзья и деловые партнеры, мужчины и женщины. Он передает неповторимые индивидуальные особенности речи и речевого поведения отдельных представителей группы, раскрывает уровень коммуникативной компетенции членов купеческой семьи и профессионального сообщества, уровень речевой культуры.

Литература

1. *Выхрыстюк, М. С.* Специфика процесса становления нормирования текстов региональной деловой письменности / М. С. Выхрыстюк // Вологодский текст в русской культуре: сборник статей по материалам конференции. – Вологда, 2015. – С. 75–77.
2. *Го, Лицзюнь.* Матричная конструкция речевого портрета в динамическом аспекте с позиций дискурсивно-

го подхода (на примере речевого портрета политиков) / Го Лицзюнь // Язык. Словесность. Культура. – 2014. – № 5. – С. 98–113.

3. *Достоевский, Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 21 / Ф. М. Достоевский. – Л., 1984.

4. *Козлова, Н. В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке / Н. В. Козлова. – М., 1999.

5. *Никитина, С. Е.* Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре / С. Е. Никитина // Язык и личность. – М., 1989. – С. 34–41.

6. *Панов, М. В.* История русского литературного произношения XVIII – XX вв. / М. В. Панов. – М., 1990.

7. *Трикоз, Э. Л.* Отражение в эпистолярном наследии вологодских купцов обыденного метаязыкового сознания (на материале писем фонда Шелиховых-Булдаковых Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, конец XVIII – первая половина XIX века) / Э. Л. Трикоз // Вологодский текст в русской культуре: сборник статей по материалам конференции. – Вологда, 2015. – С. 65–69.

8. *Шаталова, С. В.* Эпидейктические жанры речи: дис. ... канд. филол. наук / С. В. Шаталова. – Ярославль, 2009.

УДК 821.161.1

А. В. Чернов

Череповецкий государственный университет

«ВОЛОГОДСКИЕ СЮЖЕТЫ» Н. С. ЛЕСКОВА

В статье систематизируются, анализируются и комментируются разнообразные факты творческого и биографического характера, связывающие выдающегося писателя Н. С. Лескова с различными местами нынешней Вологодской области. Собранные под новым углом зрения факты биографии писателя позволяют не только дать новые материалы для литературного краеведения, но и наметить направление поисков определенных реалий при комментировании текстов писателя.

Н. С. Лесков, Череповец, Вологодская область, литературное краеведение.

The article systematizes, analyzes and comments on facts about creative work and biography which link an outstanding writer N.S. Leskov to different places of present-day Vologda region. New facts of the writer's biography provided in the article allow not only to provide new materials for literary local history but give the direction for search for certain realities while commenting on the texts of the writer.

N. S. Leskov, Cherepovets, Vologda region, literary local history.

Введение

Множество страниц биографий и творческих судеб отечественных литераторов связано с Вологодским краем. В разные времена и в различных частях нынешней Вологодской губернии родились, провели детство, жили и работали, находились в ссылке или просто проезжали по своим делам многие великие русский писатели и поэты... В этой статье речь пойдет о выдающемся писателе Н. С. Лескове и его, в общем-то, известных, но как-то не выделявшихся в общей биографической канве «вологодских» сюжетах. «Вологодские» приходится брать в кавычки, потому как действие этих сюжетов разворачивается в различных локациях, исторически с нынешней Вологодской областью не всегда связанных и во времена писателя входивших в другие административные образования. Но поскольку сегодня все наши «персонажи-топосы» пребывают в составе Вологодской области, будем их по этой принадлежности и рассматривать, не забывая о некоторой исторической натяжке. Понятие «сюжеты» используется также не

терминологически, а метафорически, для обозначения различных по характеру, глубине и значимости фактов, связывающих данную территорию с жизнью и творчеством Н. С. Лескова.

Основная часть

«Вологодскую» тему у Лескова, вероятно, впервые озвучил известный писатель А. Грязев в небольшом очерке «Сольвычегодский левша». Автор обращается к поискам прототипа лесковского Левши и истоков сюжета сказа. Опираясь на свидетельства сына писателя, говорит о том, что в основе лежит распространенная поговорка о подкованной туляками аглицкой блохе... При этом сам Лесков специально искал источники этой легенды, но так и не нашел, в том числе, и среди мастеровых тульских оружейников... Александр Грязев предположил, что легенда могла иметь не фольклорное, а вполне литературное происхождение, быть запущена в оборот известным историком М. П. Погодиным и быть в тесной связи с вологодским краем. Во-первых, по

версии писателя, Погодин узнал о чудесном мастере во время своего визита в Вологду в 1841 г., в доме профессора духовной семинарии П. И. Савваитова. Во-вторых, поразившие историка миниатюрные изделия, в том числе, прикованная на цепочке блоха, были изготовлены сольвычегодским мастером Юницким. В 1668 г. «Вологодские епархиальные ведомости» перепечатали фрагменты дневника Погодина, дополнив ссылкой на более раннее издание 1814 г. – «Записки, веденные по топографо-исторической части учителем Сольвычегодского уездного училища Протопоповым в первую и последнюю половину 1813 года», где были описаны и другие миниатюрные изделия северных мастеров. Александр Грязев предположил, что связь между историей сольвычегодских мастеров-миниатюристов и легендой о тульском Левше, была вполне вероятной [3].

Итак, первый лесковский вологодский сюжет связан с одним из самых известных его произведений и носит, хотя соблазнительно достоверный, но все же, конечно, предположительный характер.

Другие сюжеты, о которых пойдет речь, имеют биографический и более конкретный, хотя, в некоторых случаях, не без изрядной доли фантазийности, характер.

Основным кладезем этих сюжетов выступает самый авторитетный и уникальных во всех отношениях текст – труд сына писателя «Жизни Николая Лескова». Это представляется логичным и потому, что рассматриваемые далее события связаны и с отцом, и сыном Лесковыми.

Начнем с сакраментального вопроса, всегда интересующего в первую очередь краеведов. Бывал ли тот или иной выдающийся человек в нашем крае? В отношении Лескова можно сразу и категорически сказать – да, бывал. И в Череповце бывал, и на пассажирский причал выходил, и по тракту из Череповца ездил...

А вот количество посещений – вопрос сложный. Один раз, в августе 1879 г. – совершенно очевидно и авторитетно подтверждено. К этому, центральному, эпизоду «лесковских сюжетов» в нашем крае вернемся позже, он представлен в воспоминаниях Андрея Лескова и нуждается не в обосновании, а в развертывании и комментировании. Сначала более спорные или неясные фабульные ответвления.

Прежде всего, что позволяет предполагать, что Лесков бывал в наших краях не единожды? Не утверждать, но предполагать это с высокой долей вероятности позволяет особый период в жизни Николая Семеновича конца 1850-х годов, когда он работает на своего дядю Шкотта в английской компании «Шкотт и Вилькенс». А. Лесков приводит воспоминания отца:

«Лет шесть тому назад я служил в одной торговой компании, имевшей дела по всему Поволжью от Астрахани до Рыбинска и далее по Марининской и Тихвинским системам до Петербурга. Три года я провел в непрерывных разъездах по делам моих доверителей...» [5, с. 178].

Никакого другого способа попасть в Мариинскую систему кроме того, чтобы проплыть мимо Череповца с вполне вероятным заходом в город, просто не было. Следовательно, многократность посещения Н.

Лесковым этого края представляется вполне допустимой. В любом случае, Череповец, Белозерский край был неплохо известен писателю. И привлекал его внимание по причинам не только деловым. И вот тут обращаем внимание на известное, как-то не замечавшееся в этой связке, но очень характерное для Лескова, важное фабульное ответвление. Родословная писателя, а точнее – вопрос о социальной принадлежности по происхождению. Отношение Лескова к этому, кстати, актуальному для многих литераторов эпохи, вопросу было непростым и противоречивым: от принятия и усиленных попыток самоидентификации с родовым дворянством, до иронии и сарказма художественных образов и публицистических инвектив.

Андрей Лесков подробно рассказывает, как менялось отношение отца к проблеме происхождения, дворянству... По его словам, стремление продемонстрировать дворянское происхождение было свойственно молодому Лескову, потом он эти попытки воспринимал со скепсисом и ядовито вышучивал чье-либо стремление «к повышению своей родovitости». О своем собственно дворянстве в более старшем возрасте писатель начинает говорить как о дворянстве молодом, «незначительном». Словом, известный образ «захудалый род» был органичен для этого расположения писателя к социальному институту.

Но так было не всегда. И Николай Семенович не только искал свои дворянские корни, но и порой настойчиво позиционировал себя именно как представителя дворянского рода. Например, заказал себе перстень-печатку «с вырезанными на ней крестом, якорем, саблей, латинским «N» и русским «Л» по сторонам дворянской короны» [4, с. 51].

Но и позднее скептическое отношение к своему родовому дворянству, исходя из свидетельств того же мемуариста, не всегда выглядит убедительным. И вот с самым характерным доказательством этой неубедительности и связано следующее «ответвление».

Андрей Николаевич относит этот эпизод к 1880 г., т. е. Лескову в это время почти 50, вряд ли возраст юношеский. Во время встречи с отцом у него дома, Н. С. демонстрирует сыну свои выписки:

«А вот, кстати, – сказал он, протягивая мне в ходе беседы блокнотный, исписанный его рукою листок. – Прочти». И на нем «Лесковы. (1626). Предок сего рода, Семен Семенович Лесков, по письменным книгам 1734/1626 года владел недвижимым имением в Белозерском уезде Новгородской губернии, называемом Христова Гора. Потомки его служили российскому престолу в военной службе и состояли в разных чинах (Герб. XII, 61)». И указан источник, откуда была сделана выписка: «Дворянские роды, внесенные в общий Гербовник Всероссийской Империи. Составил граф Александр Бобринский, ч. II стр. 126» [4, с. 51–52].

И далее прикрытый иронией, но очевидный интерес: «Видишь, – продолжал он, когда я пробежал строки, – Семен Семенович! Совпадение? Может и нет! Случалось, что старые роды, захудевая, теряли вотчины, беднели, шли в духовенство, а то сползали и до однодворческого крестьянства. Ну, да это так,

шутки ради я тебе выписал на память. Наш род, как у хуторного греческого полководца Ификрита, – с меня начнется, да, вероятно, на мне и закончится» [4, с. 52].

Шутки ради или нет, но нашел и выписал, и счел важным ознакомить сына. Но нас интересует не столько отношение Лескова к дворянству, сколько происхождение рода Лесковых, обозначенное в Гербовнике графа Бобринского: в XVII–XVIII века предок Лесковых владел «недвижимым имением в Белозерском уезде Новгородской губернии, называемом Христова Гора». Был ли этот Лесков предком писателя или нет – большой вопрос. Но совершенно очевидно, что писатель испытывал интерес к своему происхождению и своей вотчине, отнесенной в Белозерье... Он сделал очень точную выписку. Для того чтобы в этом убедиться, не нужно даже обращаться в архив. Поскольку Гербовник теперь оцифрован и находится в открытом доступе, каждый может проверить точность записей Лескова. Отсканированный труд А. А. Бобринского «Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской Империи» (СПб., 1890) размещен среди документов Историко-архивного института (РГГУ) и позволяет сверить записи... Существуют лишь мелкие расхождения: А. Лесков говорит о 126 странице второй части, на самом деле 129 страница второго тома. Под 1626 годом запись: «ЛЕСКОВЫ. Предок сего рода, Семен Семенович Лесков, по писцовым книгам 7134 / 1626 года владел недвижимым имением в Белозерском уезде Новгородской губернии, называемым Христова Гора. Потомки его, владея наследственно сим имением, служили Российскому Престолу в военной службе и состояли в разных чинах (Герб. XII, 61)» [1].

В издании, по которому цитируется здесь труд А. Лескова, допущена, видимо, опечатка – «1734/1626», конечно, имеется ввиду старое и новое летоисчисление и даты должны выглядеть так «7134/1626», т. е. запись о Лескове владельце сделана в книгах 1626 г.

Очевидно, что это далеко не единственное упоминание о белозерских Лесковых в исторических источниках. Например, по данным переписи 1710 г.: «(л. 211) № 226. За вдовою Василисой Никитинской женой Лескова в деревне Авже двор ее помещицын во дворе она вдова Василиса 45 у нееж 2 сына Лев 15 Алексей 9 лет у нееж дочь Марья 5 лет а муж ее Никита Лесков служил великому государю по городу Смоленску многие службы и в прошлом 704-м году по указу великого государя он Никита за болезнью от службы отставлен и умре в доме своем в 708-м году у нееж дворовые люди ...» [7].

Деревня Авжа не сохранилась, но известна речка Авжа – правый приток Суды, ныне в Бабаевском районе Вологодской области.

Некоторые предварительные выводы. Итак, через наш край не просто проходили пути-дороги писателя Лескова, с ним связывалось в сознании писателя нечто гораздо большее, пусть и гипотетическая, но историческая вотчина. Для вечного скитальца Лескова вряд ли это было малозначимо.

Еще раз стоит обратить особое внимание на дату описанного Андреем Лесковым разговора о проис-

хождении рода: разговор о предположительной Белозерской вотчине состоялся в 1880 г., и это принципиальная дата. Отступим всего на один год и перейдем уже к полноценному сюжету августа 1879. Эта история прописана в воспоминаниях Андрея Лескова и нуждается лишь в реальном историческом комментарии, чтобы почувствовать всю сложность и характерную для Лескова во всем противоречивость, многомерность казалось бы простой и обыденной житейской ситуации.

Фабула изложена Андреем Лесковым. Приведем обширную цитату: «В один из первых дней августа 1879 года я с утра сидел в Череповце на пристани, вглядываясь – не задымит ли ниже на Шексне пароход, на котором плыл мой отец.

Обоюдно желанная встреча прошла тепло и радостно.

И не могло быть иначе! Из рижского Карлсбада он писал М. Г. Пейкер: «Родная Мария Григорьевна! Сегодня получил Ваше письмо от 10-го июня, превращавшее мою скуку и тяжелое томление от неизвестности о сыне, которое длилось целых 10 дней (с 14 июня). Разлука с ним меня просто пересиливает до того, что я уже стараюсь о нем не думать. Не только верю, но знаю, что вы и дочь ваша чувствуете, что в руках ваших *все* мое земное счастье; знаю и то, что мальчику моему весело и полезно быть с добрыми, христианскими и благовоспитанными женщинами, которых я и он любим, несмотря на упорное притворство одной из них в злосердечии, но... все-таки сердце ноет и тоскует по хлопцу» (письмо от 24 июня 1879 г.).»

Сели в просторную старинную пейкеровскую коляску и на хорошо отдохнувших за ночь и охотно побывавших домой лошадях покатали по довольно исправному шоссе большака».

Здесь уже необходим комментарий. Прежде всего, в отношении М. Г. Пейкер и ее отношений с писателем. Отношения эти были весьма необычны и начались, как это часто бывало в жизни Лескова, с того, что он в журнальной статье «Сентиментальное благочестие. Великосветский опыт простонародного журнала. Разбор ежемесячного религиозно-нравственного издания "Русский рабочий" разгромил этот самый журнал, издававшийся как раз М. Г. Пейкер вместе с ее дочерью Александрой Ивановной.

Однако, как это опять-таки в биографии Лескова бывало не раз, в силу благожелательного посредничества, Лесков познакомился с редактором лично, был ею всячески привечен, в итоге, свидетельствует Андрей Лесков: «Непосредственные отношения показали взаимно столь притягательными и простыми, что в зиму 1878–79 годов даже я, двенадцатилетний мальчик, стал непременным гостем тихих пейкеровских субботних вечеров, проходивших в мягких беседах, в которых весьма часто видное участие и мой отец» [5, с. 58].

За эту зиму общение превратилось в настоящую дружбу, и «весной Пейкеры начали просить отца отпустить меня вместо Киева на все лето к ним в их имение, село Ивановское, в сорока верстах от Череповца, с тем, что в конце лета за мной заедет сам отец» [5, с. 59].

Таким образом, точное местонахождение усадьба Пейкер указано однозначно – село Ивановское в 40 верстах от Череповца. Ныне входит в состав Воскресенского сельского поселения Череповецкого муниципального района, ранее входило в состав Белозерского уезда Новгородской губернии.

Что касается пребывания Андрея Лескова в Ивановском, видимо, несмотря на теплый прием, оно не оставило ярких «каникулярных» воспоминаний. В следующие летние каникулы Андрей отправляется отцом к родственникам, на Украину, в Канев, и отец просит его сравнить свои впечатления «от деревни южной и деревни северной, в какой ты жил в Череповецком уезде» [5, с. 134]. Сам же Андрей, через год, в предвкушении очередного отдыха на юге рисует радужные картины, опять же по контрасту с Череповецким краем: «Впереди рисовались мне два с половиной месяца блаженства на Украине, под ее стройными тополями, среди приветливых родных. Какое сравнение с петербургскими дачами или, говоря откровенно, с унылым имением Пейкер в глухом Череповецком уезде!» [5, с. 147].

Скорее всего, на впечатления Андрея Лескова наложили сильный отпечаток специфические занятия, которыми он занимался в усадьбе под руководством матери и дочери Пейкер. Они были тем же, что и в их петербургском доме. Андрей под руководством дочери М. Г. Пейкер Александры Ивановны «знакомился с Евангелием, вырезал, наклеивал и раскрашивал медными красками избранные тексты для раздвигания их менее меня просвещенным, пел с ее голоса изданные ею же «любимые стихи» на тот или иной евангельский стих или псалом и даже играл на английском концертино» [5, с. 58]. И здесь, в Ивановском, по его собственному признанию, Андрей «еще более окреп во всех перечисленных занятиях и искусствах, отнятых у меня моим отцом в рассказе «Юдоль» и совершенно бесправно и беллетристически закономерно подаренных им достаточно апокрифичной англичанке Гильдегарде, нежной подруге не более достоверной в данном случае «тетя Полли» [5, с. 59].

Вероятно, евангелистский быт не слишком увлекал юношу, и это придало в памяти вполне понятный оттенок скуки всему пребыванию в череповецком уезде. Но, каков бы ни был контраст между севером и югом, лето в Череповецком уезде запомнилось навсегда...

Таким образом, в село Ивановское, имение Пейкер в 40 верстах от Череповца и отправился Н. С. Лесков с сыном «по довольно исправному шоссе большака».

Отдельного и специального комментария требуют хозяева имения – Пейкер. Это не только очень интересный, практически отдельный, сюжет, но и тесно связывающий происходящее с губернской Вологдой.

Мария Григорьевна Пейкер (урожденная Лашкарева) (1827–1881) – личность в российской истории последней трети XIX века широко известная, о ней писали и сам Лесков, и Достоевский, и многие другие публицисты и журналисты той эпохи. Приверженец модного английского проповедника Ред-

стока, один из лидеров «редстокистов», давших начало евангельскому христианству в России. Не будем останавливаться на личности и деятельности Редстока, отметим, что после высылки миссионера из страны, его последователи деятельности не свернули и наиболее известное направление получило название «пашковцы», по имени В. А. Пашкова, основателя «Общества поощрения духовно-нравственного чтения».

В этом же направлении и следовал основанный и издаваемый, в основном, на собственные средства Пейкером журнал «Русский рабочий», выходивший с 1875 по 1886 гг. и вызвавший столь резкую рецензию Лескова. Журнал подвергался резкой критике со всех сторон. Он был постоянным предметом нареканий со стороны церковной цензуры. В то же время, с точки зрения последующих евангелистов был слишком православным... В примирении Лескова с Пейкер главную роль сыграла Ю. Д. Засецкая – дочь легендарного поэта-партизана Д. Давыдова и также последовательная «редстокистка», известный переводчик канонических евангелистских текстов. Единомышленником Марии Григорьевны Пейкер была и ее дочь – Александра Ивановна, продолжившая издание журнала после кончины матери. Мария Григорьевна по единодушному признанию современников была человеком очень одаренным, искренним, обладавшим уникальным даром располагать к себе собеседников.

Лесков в некрологе, опубликованном после ее кончины, подчеркнул:

«Мария Григорьевна всю себя отдала общественной деятельностью в христианском духе, и в числе других дел, подчиняясь сильному религиозному возбуждению, она предприняла издание иллюстрированного народного журнала под заглавием «Русский рабочий». В этом издании очень полно выразился дух ее благочестия – англоманский, но чистый и высокий» [6].

Итак, усадьба в селе Ивановском, где провел лето Андрей Лесков и которую посетил Николай Лесков, принадлежала Пайкерам, лидерам российский редстокистов, превратившихся для писателя из предмета публицистической иронии в близких друзей. Но в отношении Вологодской области сюжет Пейкеров нужно развернуть дополнительно. Пейкеры были тесно связаны с губернским городом Вологдой. Муж М. Г. Пейкер, Иван Иванович Пейкер, надворный советник, а затем – статский советник, занимал пост вице-губернатора Вологодской губернии с 1855 по 1862 гг. при губернаторе С. Ф. Хоминском. Именно он, кстати, отвечал за украшение города во время приезда сюда императора Александра II в 1858 г. [8].

Вице-губернатор И. И. Пейкер, его характер, причины удаления из города, его супруга и роль семьи в политической жизни губернской столицы ярко описаны и в известных мемуарах Н. Ф. Бунакова [2].

Несмотря на то, что из-за язвительных статей под псевдонимом «Северянин», которые Бунаков публиковал в столичной прессе, узнаваемо и карикатурно изображая вологодский свет и вологодскую власть, между молодым учителем-журналистом и вице-

губернатором были столкновения, чета Пейкер избражается с явной симпатией, хотя и в свойственной мемуаристу язвительной манере.

В период польских событий начала 1860-х семья Пейкеров оказалась в центре борьбы вокруг напавших Вологду ссыльным поляков, создавших свой круг и пользовавшихся приветливостью и поддержкой М. Г. Пейкер. Это вызвало конфликт между Пейкерами и вновь прибывшим в город жандармским штабс-офицером полковником Н. Е. Зориным. Именно этот конфликт и закончился, по мнению Бунакова, почетной, но все же, отправкой И. И. Пейкера из Вологды. Через несколько лет И. И. Пейкер погибнет во время купания.

О самой Марии Григорьевне Бунаков пишет следующее: «Это была живая миниатюрная барыня, блиставшая остроумием и способностью подчинять себе самых неукротимых людей – все делались послушными и мягкими исполнителями ее воли, когда она этого хотела: и князь Гагарин, чистокровный и пустопорожний аристократ, всю жизнь занимавшийся дебошами, и николаевский отставной генерал Н. Бр-ов, бывший несколько лет тому назад начальником вологодского ополчения, и поднадзорный учитель гимназии В. М. Пржибыльский, через несколько времени бывший крупным деятелем польского революционного правительства, и радикал хол Бекман.

На Западе из Марьи Григорьевны Пейкер вышла бы видная политическая деятельница в роде m-me Адан, но в России в конце концов из нее вышла только... ханжа: через несколько лет она ударились в весьма дешевый мистицизм и стала издавать весьма изящную иллюстрированную газету «Русский рабочий» с целью просвещать русских рабочих не столько умственно, сколько нравственно. Эта поучительная и довольно приторная по ее нравоучительной подкладке газета стоила только один рубль в год, но все-таки, конечно, не доходила до рабочих и мирно скончалась, не только не выполнив своей миссии, но даже и не положив начала такому выполнению» [2].

Историю «послевологодских» Пейкеров Бунаков излагает так: «Зорину удалось-таки, не без помощи лукавого Хоминского, победить и Пейкера, который совершенно неожиданно был "причислен к мнистерству" и должен был выехать из Вологды. Хотя этот выезд был в некотором роде триумфом для огорченного вице-губернатора, потому что сопровождался всевозможными овациями, все-таки карьера его была испорчена. Через несколько лет он получил было какое-то место в западных губерниях, но вскоре потонул, купаясь в какой-то реке, а Марья Григорьевна ударились в мистицизм и ханжество» [2].

Здесь мемуарист, как мы видим, далеко не прав и при всей тяге М. Г. Пейкер к миссионерству и благотворительной деятельности она оставалась столь же «блистающей остроумием и способностью подчинять себе самых неукротимых людей», раз уж суме-

ла сдружиться с таким сложным в общении человеком, как Н. С. Лесков. Дружба между ними была прервана кончиной Марии Григорьевны, происшедшей всего через два года после приезда Лескова в Ивановское, в 1881 г.

Выводы

Таким образом, «вологодский сюжеты» Лескова не просто расширяются и затрагивают различные топы Вологодчины – от Ивановского до Белозерска, от Христовой горы до Авжи, от Череповца до Вологды, но и непосредственно связаны с многими мотивами, персонажами произведений писателя и яркими фигурами лесковского окружения.

Собранные вместе, эти фрагменты показывают свою неслучайность и информативность, как для литературного краеведения, так и для изучения реалий, легших в основу произведений писателя.

Учитывая, что буквальное «цитирование» жизненных реалий в художественных текстах Лескова было частью его творческой манеры, можно предположить, что отголоски этих «вологодских» сюжетов могут быть обнаружены и в других его художественных произведениях, как это сделал Андрей Лесков по отношению к распадению «Юдоль». Но это уже другая задача, другой уровень связи исторических жизненных реалий Вологодчины и жизни и творчества выдающегося русского писателя.

Литература

1. Бобринский, А. А. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской Империи / А. А. Бобринский. – СПб., 1890. – URL: <http://iai.rsuh.ru/section.html?id=8924>
2. Бунков, Н. Ф. Моя жизнь / Н. Ф. Бунков // Вологда в воспоминаниях и путевых записках: Конец XVIII – начало XX века. – URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/rem/emb/erv/olo/gda/11.htm>
3. Грязев, А. Тайна Соборной горки. Сольвычегодский левша / А. Грязев // Грязев Александр Алексеевич. Творческое наследие: произведения автора. – URL: http://elibrary.tendryakovka.ru/gryazev_html/novel-07.html
4. Лесков, А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным запискам и памяткам: в 2 т. Т. 1. Ч. I–IV / А. Н. Лесков. – М., 1984.
5. Лесков, А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным запискам и памяткам: в 2 т. Т. 2. Ч. V–VII / А. Н. Лесков. – М., 1984.
6. Новое время. – 1881. – №1798. – 1 марта. – Цит. по: Бихтер А. М., Соколов Н. И. Комментарии // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 11 т. – URL: <http://rub.ru/leskov/02comm/208/html>
7. Перепись 1710 года: Санкт-Петербургская губерния: Белозерский уезд: Переписная книга // РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 12756. – Л. 1-906). – URL: http://census1710.narod.ru/perepis/1209_1_12756.htm
8. Попов, А. А. Воспоминания причетнического сына / А. А. Попов // Вологда в воспоминаниях и путевых записках: Конец XVIII – начало XX века. – URL: <http://fiercest.ru/lection/vologda-v-vospominaniyah-i-putevy-h-zapiskah-konets-xviii-nachalo-x/>